

## О питье шампанского

1.

В послевоенные годы советского человека окружала реклама. Не в избытке, но имела-таки место.

Позже, к сумрачным восьмидесятым, о ней почти забыли: нечего и незачем рекламировать, да и сам жанр подозрителен, все-таки атрибут общества потребления. Уже негде было прочесть незатейливый позитивчик: «Я ем повидло и джем», «Пейте томатный сок», «Отправляясь в дальний путь – аккредитив взять не забудь». Лишь в начале московского Ленинградского шоссе долго мигал розовым от стыда неоновым двусмысленный слоган, что-то вроде: «С Аэрофлотом по миру».

Во времена нашего голодного детства рекламировались ведь не какие-то «бренды», а просто образ жизни: культурной и счастливой под водительством великого Сталина. Тут был даже некий идеологический подтекст. Будто бы достаточно лишь настойчиво разъяснить, что джемы – это вкусно и питательно, и народ перейдет на них от привычной картошки с селедкой. А вместо дешевых папирос «Север» люди будут непринужденно курить сигареты «Ароматные»: «На сигареты я не сетую – и сам курю, и вам советую».

Самым популярным журналом был «Огонек». На задней его обложке неизменно фигурировали банки с крабами от Главпродторга. Только что завершилось строительство Волго-Донского канала, потому на страницах журнала можно увидеть фото роскошной арки шлюза № 1. И тут же (как некий поспевший плод великой стройки) – зернистая икра донского осетра и шипучее «Цимлянское».

С шипучим никогда не было проблем. Удивительно узнавать из книг писателей старого века о дороговизне и особой изысканности шампанского: в советских магазинах оно дешевле водки, и всегда в ассортименте – с белой или черной этикеткой, с медалями и без. Сидр в таких же бутылках считался детским напитком.

Конечно, ведали о французском шампанском, но особенно не задумывались: советское – это, ясно же, отличное, а Московский завод шампанских вин покрывал все потребности. Хотя многолетняя история отечественного шампанского идет от крымского Нового Света и новороссийского Абрау-Дюрсо, но в московских магазинах продукция этих производителей не попадалась.

В 1996 году мы с коллегой Алексеем именно оказались в городе Новороссийске. Алексей человек сложной судьбы, да и характером непрост (для чего я это сообщаю – и сам не понимаю...).

Приехали для переговоров с одним местным бизнесменом; в чем был его бизнес – я бы сказать затруднился, скорее всего, он держал в Новороссийске «крышу». Будучи отставником КГБ, оставаясь известным, влиятельным и информированным, оказывал покровительство.

Скажу (чтобы уж потом не отвлекаться), что переговоры деловых результатов не принесли. Однако прием столичных визитеров был достойным.

Из аэропорта местный авторитет повез нас пообедать в какое-то особенное кафе (где его знали, естественно). Затем вышли в море на променад на собственной яхте.

Ближе к вечеру хозяин предложил с ним вместе явиться к домашнему застолью одного своего знакомого:

— Капитан дальнего плавания, только сегодня вернулся из полугодичного рейса. Созывает друзей – отметить прибытие. А уж рассказов будет!

— Да мы-то там зачем, ведь посторонние люди? – возражаем. – Соберутся свои. Давайте, мы уж лучше в отель...

— Ерунда, семья компанейская, будут только рады. А о гостинице и слышать не хочу! Вы для меня дорогие гости...

2.

В гостиной капитанской квартиры притулились мы в углу огромного стола; впрочем, комитетчик не оставлял вниманием. Пили, конечно, водку. В самом деле, что же и подать к торжественному застолью в городе, где большие виноградники, где винзавод «Мысхако»? Где рядом, в нескольких километрах, производят шампанское, которому доводилось теснить на конкурсах прославленное французское? Ясно – что: напиток, изготовленный из картофеля (который здесь не растет) и воды (которой здесь нет: Новороссийск страдает от жажды).

Я-то не питок: первую стопку опрокинул, а вторую пригубливаю символически. Но радушный комитетчик вместе с Алексеем – знай, хлопают рюмку за рюмкой! А как же, ведь тостам нет конца. Пьют и за море, и за берег; за тех, кто с нами, и за тех, кого нет.

Вечеринка близится к финалу, капитану пора на семейное ложе, да и нам на покой: денек выдался утомительный.

— Сейчас едем ко мне, в загородный дом! – поясняет авторитет. – Места там сколько угодно. Давайте, садитесь в машину!

— Извините, конечно, – говорю я, – но вы ведь... того... выпили. И поведете?

— Так что же – думаете, меня тут кто-нибудь остановит? Мою машину знают.

Вообще-то я имел в виду не это. Ну, ладно...

Аккуратно сводим с лестницы коллегу Алексея: бедняга еле переставляет ноги. Наш хозяин, выпивший ничуть не меньше его, спокойно садится за руль. Поехали!

Сюрприз: дорога на дачу – серпантин с крутыми склонами, освещаемый только светом фар. Комитетчик привык гонять по ней с ветерком, я только ахаю, а Алексей больше сосредоточен на химических процессах, происходящих внутри.

На полпути – загородное кафе с музыкой. Почему бы не остановиться, не добавить, правда же? Заполировать наконец-то шампанским.

Зашли в кафе, заказали шампанское, салат с черноморскими мидиями. Шампанское после водки – вариант убийственный, но поначалу как-то даже взбадривает, и осоловелый Алексей начал воспринимать окружающее. Музыканты (парень и девушка) исполнили «Господа офицеры». Сослуживец мой растрогался.

— Эх, твою мать, па-па-помню, как, бывало, в Афгане... – Достал из портмоне купюру с портретом Франклина и кинул исполнителям: – Давай опять «Господа офицеры»! Всем слушать стоя!

В те годы доллары это было круто. Говорили: «баксы»; в обыденном представлении баксы – это стодолларовые бумажки. Других не было в ходу, а центов и вообще никто не видывал, да и зачем они. Двести долларов считались прекрасной зарплатой. Доллары свободно принимали в магазине, в ресторане.

Довольные музыканты повторили тот же номер. С других столиков начали коситься: кто это там выискался... мы хотим слушать свое, ишь, заладили.

Алексей выпил до дна шампанское, крикнул, смахнул слезу и полез за новой «стошкой»:

— Давай «Господа офицеры»!

Запахло скандалом. Мы вдвоем подхватили приятеля под руки и повели к машине; впрочем, ногами переступить у него уже не получалось. А стойкий комитетчик, тоже отдавший должное шампанскому, продолжал вести машину, как ни в чем не бывало!

### 3.

На следующее утро опохмелились белым портвейном из полиэтиленовой канистры и поехали в Абрау-Дюрсо. Как раз накануне мы прочли публикацию об этом винсовхозе в идиотской газетке «Мир новостей», которую тогда издавал один мой знакомый (работавший там заодно охранником). Он-то сам и сочинял все статьи. В публикации убедительно живописалось озеро Абрау, «из чистейших вод которого производят всемирно известное шампанское».

Нашего сопровождающего отлично знали и здесь. Специально для нас провели экскурсию с дегустацией. Я приобрел бутылку розового «Князь Голицын» (откупорил ее зимой: вино было превосходным!).

По дороге назад комитетчик припомнил одну историю, которую я передам уже в моем изложении. Возил он в Абрау незадолго до нас – немца, приехавшего также по делам бизнеса. Попробовав шампанское, немец поинтересовался ценой: «Was kostet?» Узнав, сколько стоит, не поверил ушам, и попросил загрузить в машину ящик. Что и было исполнено.

Ехали по знакомой дороге, выпитое шипучее начало оказывать свое действие, и гость попросил остановиться близ кустов, в которые и углубился. Вдруг оттуда раздался вопль! Хозяин даже подумал было, не змея ли (там случаются). Но немец вышел из кустиков с подобранной в траве бутылкой из-под «Spumante».

Иностранец кричал:

— Что вы за люди! Вот здесь, рядом, по удивительным ценам продается вино мирового класса. Зачем же вы покупаете поддельную гадость?

И в самом деле: уличные киоски российских городов просто ломились от странных напитков – ликеры анилиновых расцветок, «Метакса» (марок, о коих в самой Греции не слыхивали). Лже-сидр, в котором не содержалось ни одной молекулы яблок. Вермут с чрезвычайно оригинальным названием «Martin1». И бомбы шипучего «Spumante», вероятно, польского производства, бурда, хуже нашего бывшего газированного «Салюта».

В те поры один знакомый, стоя перед палаткой Тушинского рынка, уставленной армянскими коньяками любых марок и выдержек, решил посоветоваться с торговцем:

— Жду в гости дорогого друга из Еревана. Хочу выставить на стол армянский коньяк; какой рекомендуете?

Первое, что сразу же сказал продавец-кавказец:

— У мэне нэ бэри.

Правильный коньяк раздобыли где-то в лабиринте будок и складов, в результате страстных переговоров на армянском.

В эти бурные девяностые годы соблазняло все заграничное, ранее недоступное. А из бойкой «перестроечной» прессы было ведомо, что наше «Советское шампанское» – ничего общего не имеет с подлинным, что это дрянь, которую в Европе просто выльют в унитаз. Потому что шампанское должно быть только французским.

Лишь со временем мы узнали, что, кроме французского шампанского, существуют в природе испанская «Кава», итальянские «Асти Мондоро» и «Просекко Ганча», и многие другие игристые вина. Их с удовольствием пьют прижимистые европейцы (и куда чаще, чем Veuve Clicquot или Louis Roederer). Кстати, для нас непривычно, что у них распространены «полубутылки» (0,375 л) – «half-bottles». И даже двухсотграммовые «quarter bottles».

### 4.

Воскресным днем поехал я купить билеты в Большой зал консерватории; концерт считался почему-то благотворительным, репертуар – классика, исполнители незнакомые.

К окошку кассы стояло несколько человек. Мальчик, бывший передо мной, начал набирать что-то уж очень много билетов: десять в третьем ряду, двенадцать в пятом...

— Нету уже билетов, где я вам возьму, – ворчала кассирша. – И вообще по столько не полагается!

— Неужели и солистам не положены билеты? – спрашивал мальчуган, чуть не плача.

— Тоже мне, «солисты» чертовы, спекулянты, – возмущалась тетенька.

В семь вечера начался концерт. К роялю вышел... тот самый мальчуган из очереди! Я потом сверился с афишей: какой-то Денис Мацуев.

А в антракте, в буфете немец пил шампанское – самое простое, то самое «МЗШВ» (ставшее «Корнетом»). Пил с удовольствием, так, что было завидно. Нахваливал: «gut, sehr gut», и послал свою спутницу (переводчицу, что ли) за добавкой. А что: и вкусно, и недорого, если считать на дойчмарки.

В наших-то понятиях шампанское это напиток к торжественному случаю, да еще и не ко всякому. Стреляет пробка, бьет пенная струя, все провозглашают тосты и чокаются друг с другом... И посматривают с вожделением на ожидающие бутылки с водкой! Сомнительный стиль, никчемный пафос. Человек благородный – избегает игры в гусарство, к шампанскому относится проще: пьет его просто для удовольствия.

Вот всемирно известный секретный агент Джеймс Бонд с коллегой мисс Линд в ресторане отеля. К деловому ужину (обсуждение шпионских планов) запросто берут шампанское Blanc de Blanc Brut 1943. В полночь, в напряженный момент карточной игры, кто-то подносит Джеймсу «Клико», просто освежиться. Это – в «Казино Руайаль» Флеминга. В другом романе, «Мунрэкер», Бонд, за вполне рабочим обедом с М. в клубе «Blades», заказывает Dom Perignon 1946 года.

Между прочим, свершилось долго чаемое: и наш человек попробовал хваленое французское шампанское! Предвкушали неопишное наслаждение. Но прославленное «Вдова Клико» неожиданно разочаровало: слишком кисло, отдает слегка дрожжами. У нас-то «брют» почти не производили, народ не научился ценить этот освежающий, и в то же время полнотелый напиток. И в последнее время известные французские производители больше выпускают продукции на «русский вкус», добавляя в бутылки ликер.

Герой одной уморительной комедии обронил афоризм: «Шампанское по утрам пьют только аристократы или дегенераты». Смешно, но неправильно. Шампанское за завтраком вполне уместно; конечно, не дорогой «Редерер», и не перед выходом на работу. А вот солнечным воскресным утром чудесно выпить, к примеру, бокал «Асти Мартини», а то и клубничной «Фрезиты» – легкого игристого вина. Дает ощущение правильного старта дня, верного стиля.

А стиль шампанского это открытость миру. Вы бросаете вызов! И вот уже готовы спешить навстречу новым людям и новым впечатлениям.